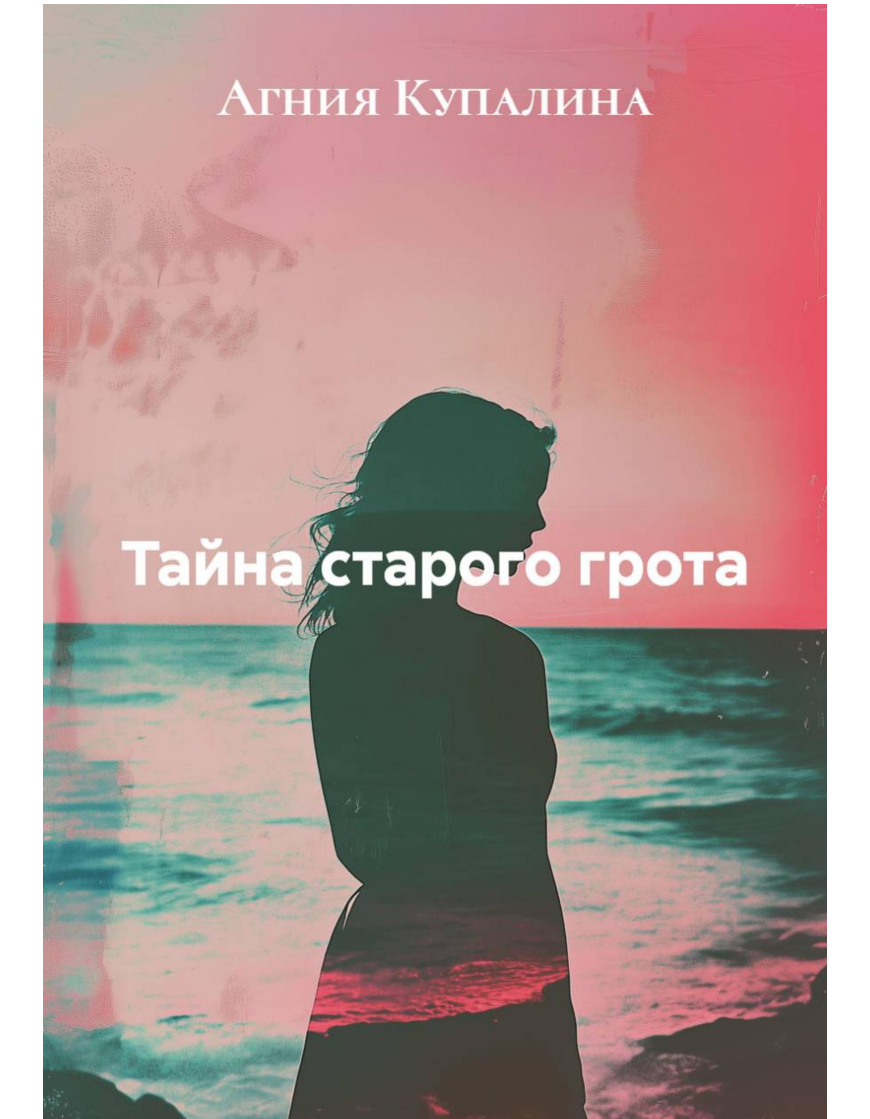


A woman's silhouette is shown from the waist up, facing right and looking out at the ocean. The background is a sunset or sunrise scene with a gradient from orange to red in the sky and blue-green in the water. The woman's hair is dark and slightly messy. The overall mood is contemplative and serene.

Агния Купалина

Тайна старого грота

Агния Купалина

Тайна старого грота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72908097

SelfPub; 2025

Аннотация

Агния Морозова, экскурсовод и выпускница лингвистического университета , живёт в окружении белых ночей . Её размеренная жизнь меняется после знакомства с лейтенантом Платоном Нестеровым, курсантом военно-морского училища. Их стремительный роман, начавшийся на Дворцовой площади , приводит Агнию в Севастополь, на родину Платона в Севастополь.

Среди солёного ветра и отголосков семейных тайн Платона, связанных с польской шляхтой Козелло-Поклевских и его предком, погибшим на флоте, Агния находит нечто большее, чем просто новую жизнь. Она начинает работать в загадочном центре подводной археологии «Колыбель цивилизаций» и выходит на след грота «Тёрн» и светящихся камней.

Что связывает семейную реликвию Платона – с алхимической формулой, которую ищет теневой коллекционер по прозвищу «Краб»? Агнии предстоит использовать свой острый ум, чтобы раскрыть тайну, уходящую корнями в века, и понять, что наследие семьи – это не груз, а стержень, который может дать начало их общей новой истории.

Агния Купалина

Тайна старого грота

Глава 1. Колдовские белые ночи

Воздух Петербурга, насыщенный влагой Финского залива и сладковатым ароматом цветущей липы, обволакивал город невесомой дымкой. Над Невой, словно застывшее покрывало, раскинулись белые ночи, стирая границу между закатом и рассветом. Мир вокруг Агнии казался нескончаемой полупрозрачной сказкой. Для неё, двадцатидвухлетней выпускницы лингвистического университета, а ныне – экскурсовода, это было самое любимое время года. Время, когда город приоткрывал сокровенные тайны, а на душе пело от восторга. Каждое утро она спешила на работу, предвкушая новые встречи, новую возможность повести туристов по лабиринтам улиц, полных древних историй и легенд.

Но сегодня, перед экскурсией, Агния решила заглянуть к бабушке.

Анна Петровна жила на Васильевском острове, в старом доме с потрескавшейся штукатуркой и узкими окнами, из которых на улицу свешивались герани. Дом казался одушевлённым.

лённым: он поскрипывал и вздыхал, словно помнил все поколения, прошедшие по его лестницам. Агния любила эти визиты – как путешествие в прошлое, в мир старинных бумаг и тихого бабушкиного голоса, в котором всегда звучала неторопливая мудрость. Анна Петровна и в семьдесят оставалась бодрой. Аккуратный седой пучок, ясные глаза цвета дымчатого кварца и тонкие пальцы, привыкшие листать архивы, – она сама напоминала потрёпанную временем, но бесценную книгу.

Агния присела за старым деревянным столом, а бабушка тотчас достала толстую, издававшую виды тетрадь в кожаном переплёте – свой «живой архив», как она его называла. Страницы пахли пылью и временем. Пожелтевшие фотографии, выцветшие документы, обрывки карт и письма, перевязанные шнурком, – всё было тщательно вклеено в эту ткань семейной памяти.

Анна Петровна открыла первую страницу.

– Смотри, внучка. Вот наше древо. Корни уходят глубже, чем ты думаешь.

На картоне раскинулось стилизованное генеалогическое древо, ветви устремлялись в века, в их переплетении угадывались судьбы предков.

Бабушка перелистнула страницу и указала на выцветший документ с печатью.

– А вот – грамота о переселении. После службы под началом Меншикова наших казачьих предков переселили на юг, на реку Миус. Екатерина II укрепляла границы, осваивала степи, они помогали ей в этом.

Агния провела пальцем по шершавой бумаге, и ей почудилось, будто она коснулась собственных корней.

Бабушка понизила голос:

– А теперь вот что, Агньюшка... – Она бережно перевернула ещё одну страницу. Там лежало письмо, почти рассыпавшееся от времени.

– Среди бумаг я нашла след одного нашего предка-бунтаря. Соратник Пугачёва. 1773 год, вся Россия в огне. Казаки и крестьяне подняли восстание. Наш Иван был среди тех, кто уцелел и скрывался.

Бабушка вздохнула:

– Так что бунтарская кровь в нас – оттуда. И ты вся в неё,

Агнюшка. Любопытная, ищущая, не успокоишься, пока не докопаешься до сути.

По спине Агнии пробежал холодок. Слова бабушки легли поверх её собственной судьбы, словно ключ к замку.

– В Матвеевом Кургане, крупном железнодорожном узле, – продолжала Анна Петровна, переводя взгляд на следующий разворот, – корни нашей семьи. В детстве, в пятидесятых, я часто ездила туда со своей бабушкой к её сестре. Там протекает река Миус. Она помнит всё. В сорок втором–сорок третьем там был Миус-фронт. Моя бабушка, ещё ребенком, с матерью и всей роднёй, жила под оккупацией. Ютились в землянках. Голодали страшно. Больше всех мучилась от голода её младшая сестра Лена. Ей-то всего три годика было. Рыбу ловили в Миусе, всех она выручала, а Леночка не могла её есть – организм не принимал. От голода она пухла. Тогда моя мама, ей одиннадцать лет, с бабушкой ходили по соседним сёлам, меняли вещи на еду. Река Миус – она с характером: с виду мелкая, по колено, а течение стремительное, горное. Она всё помнит, Агния.

Агния слушала, затаив дыхание. Перед глазами вставали картины: юная бабушка на берегу, свинцовый Миус, обрывки военного лихолетья. История оживала, превращаясь из древа в полнокровную жизнь.

– Спасибо, бабушка, – тихо сказала Агния, обнимая Анну Петровну.

– Ступай, внучка, не опаздывай.

На улице дул свежий ветер с залива. Агния шла быстрым шагом, чувствуя прилив сил. Теперь она смотрела на город иначе – сквозь призму истории своей семьи: от Меншикова до Пугачёва, от Миуса до опалённой Томиной балки.

Группа сегодня выдалась необычная: целая рота курсантов военно-морского училища – молодые, подтянутые, в новенькой форме. Они шумели, перебрасывались шутками, по-мальчишески азартно разглядывая шпили, словно впервые попав в музей под открытым небом. Агния, хрупкая, со спелопшеничными волосами и большими зелёными глазами, вела их по Дворцовой площади. Её голос, мягкий, но чёткий, легко резал прохладный воздух.

– ...именно здесь, на этой площади, – обратилась она к курсантам, – билось сердце империи. Здесь вершилась история. Почувствуйте этот воздух – в нём дыхание веков.

Курсанты слушали внимательно, кое-кто делал пометки. Однако один выделялся. Высокий шатен с волевым подбор-

родком и глубокими, карими глазами. Он не записывал, а просто смотрел. Смотрел на Агнию так пристально, что ей стало не по себе. Казалось, он видит её насквозь, читает мысли. Он впитывал каждое её слово, будто она говорила для него одного.

После двухчасовой прогулки Агния почувствовала приятную усталость. Курсанты аплодировали. Группа стала расходиться, но тот самый шатен задержался. Агния собирала заметки, стараясь не смотреть в его сторону, но сердце бешено колотилось. Он подошёл.

– Простите, – голос у него оказался низким, бархатистым, с лёгкой хрипотцой. – Вы потрясающе рассказываете. Я Платон. Лейтенант Платон Нестеров. А вы?

Агния подняла глаза. Вблизи он казался ещё более внушительным, но взгляд его был мягким.

– Агния, – слегка смутившись, представилась она. – Агния Морозова.

– Очень приятно, – он улыбнулся, и улыбка сразу сделала его лицо моложе. – Признаться, я не любитель экскурсий. Но сегодня всё было иначе. Вы открыли мне Петербург заново.

Слова были просты, но звучали искренне. Агния почувствовала, как заливает щёки.

– Я рада, – проговорила она.

– Агния, – Платон сделал шаг приблизившись. – Не могли бы вы показать мне город ещё раз? Только не как экскурсовод, а просто, как Агния?

Предложение застало врасплох. Она привыкла к комплиментам, но такой прямоты от незнакомца не ожидала. Однако что-то в его спокойной манере её притягивало.

– Я не знаю...

– Я понимаю, – поспешно сказал Платон, заметив её колебание. – Просто... мне скоро уходить к месту службы, и очень хочется увезти ещё одно прекрасное воспоминание.

Его откровенность растрогала. Ей вдруг страстно захотелось узнать этого человека.

– Хорошо, – неожиданно для себя ответила Агния. – Завтра. Здесь же.

Глаза Платона вспыхнули.

– Договорились. Я буду ждать.

Он кивнул, развернулся и зашагал прочь, растворяясь в толпе. Агния смотрела ему вслед, чувствуя, как в груди разливается тёплое, незнакомое волнение. Белые ночи Петербурга продолжали свою колдовскую игру, обещая новые тайны и, возможно, начало чего-то большого.

Глава 2. Дворцовый мост

Следующие недели пролетели со скоростью белых ночей. Петербург превратился в декорацию для их стремительного романа. Они гуляли по Летнему саду, где тенистые аллеи шептали о вечной романтике, бродили по Васильевскому острову и замирали на набережных, провожая глазами разводящиеся мосты. Но местом их силы стал Дворцовый мост. Именно под его чугунными арками, под колдовским небом, они чувствовали себя по-настоящему свободными.

Платон рассказывал о море, тайфунах и штиле, о мечте вести корабль. Агния же делилась своей одержимостью историей, древними цивилизациями, загадками, которые тысячелетиями хранит земля. Он слушал, подпирая голову рукой, и улыбался, когда она, загораясь, говорила о скифах или Геродоте.

Он был для неё и якорем, и парусом одновременно. С ним она впервые ощутила полное понимание без лишних слов.

Их свидания затягивались далеко за полночь, а расставания с каждым разом давались всё тяжелее. Белые ночи стали свидетелями их первого, робкого поцелуя, а затем и долгих, страстных объятий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.